

кая идея проводилась им в жизни казачества и т. п. Не могу всего здесь написать, т. к. собранный Е. Якименко материал о жизни и деятельности Н. С. Рябовола настолько богат, что лучше бы его издать отдельной брошюрой. Видно, что Е. М. Якименко над ним поработал довольно хорошо. И действительно, прочитанный реферат произвел сильное впечатление на всех собравшихся, т. к. многие в первый раз узнали, кто такой был Рябовол и кого в лице Рябовола потеряла Кубань.

По прочтении реферата, станичный атаман поблагодарил докладчика. В свою очередь и я, как представитель журнала „В. К.“, сердечно благодарил Е. М. Якименко за прочитанный доклад и просил, чтобы он и впредь знакомил казаков со всеми борцами за Казачество, за его волю, счастье и независимость.

В заключение всего выступает с речью С. Турчинов, начиная так: Докладчик прочитал нам биографию Рябовола, его жизнь и политическую деятельность. Происходя из казачьей семьи без „родовитости“, Рябовол еще совсем молодым человеком выдвинулся, благодаря своим способностям и желанию служить Казачеству. Он был казак в полном смысле этого слова. И вот в этот момент подлые руки убийц из-за угла лишили жизни лучшего сына Кубани. Гром выстрела покати́лся повсюду, раздалось эхо протестов в станицах и хуторах, ждали выяснения: кто убил и за что был убит? Загадочное убийство могло быть выяснено, но увы! дело было прекращено. Здесь, лишь через 15 лет, оно выясняется. Нам ясны стали ошибки замалчивания. Пусть же будет легка ему земля! Вернувшись на родину, казаки не забудут воздвигнуть памятник истинному казаку В. Кубани. Пусть знают наши противники всех толков, цветов и оттенков, что ни гнет насалия, ни подлость, ни коварство, ни гнусные опыты не смогут подавить нашего свобододолюбивого духа, пропитанного национальным патриотизмом.

За Дон! за Кубань! за Терек! за Украину! за все Казачество! Каждый за свой угол! Общим сговором — к великому светлому будущему!

На этом доклад был закончен и долго еще сидели казаки, разговаривая на тему наших прошлых ошибок. Представитель журнала „В. К.“ И. Курило.

Памяти полк. В. И. Балабина.

Безвременно скончавшийся 3 июня с. г. полк. Владимир Иванович Балабин, казак Всеволодского Войска Донского, сын полк. Ивана... Балабина, которого, молодого еще тогда полковника, на другой день после личного производства царем, уволили в отставку „за вольнодумство“ без пенсии, так как он еще не выслужил и 20 лет, и внук генерала от кавалерии, который был уволен в отставку без пенсии и тоже „за вольнодумство“.

Родился он в 1875 году 8-го июня в хуторе Балабинке Семикаракорской станицы и воспитывался на руках своих родителей в своей родной казачьей семье; благодаря этому его любовь к родному своему Казачьему народу и его вольности и была так горяча; во имя блага и счастья Родины Казакии он шел на жертву и работал до последнего своего вздыхания.

Являясь в качестве одного из его близких сотрудников по борьбе и спасению от чужого русского ига родного и вольного нам казачества за последние два года до его смерти, приведу несколько фраз нашего покойного борца и старого соратника, деда Балабина.

Садясь за стол для разрешения острых вопросов по существу повестки дня, покойный всегда говорил: „Не забудьте заветы отцов, дедов и прадедов, что только в борьбе, в борьбе беспощадной, мы, казаки, обретаем наши права, сообразно чему требуются от нас и наши жертвы. Мы, вольные народы Казакии, жертвовали, будем жертвовать и обязаны жертвовать на свою Родину все наши жизни до последней капли крови. Ибо, так жертвовали наши отцы, деды и прадеды из веки веков и их кровью орошена наша Казачья земля и костями их она усыпана!..“

Говоря о любви покойного к своей родине, я привожу следующие характерные эпизоды из его жизни. Находясь на военной службе в качестве командира 36-й

отдельной казачьей сотни, покойный был начальником и одновременно братидруг казака. Как прекрасно сейчас это помню из рассказа сослуживца двоюродного моего дяди, по фамилии Дж-нов, во время великой войны слова: „командир Балабин в строю, во время занятий так был строг, что строже его нельзя было найти, но, вне строя или после занятий, он с вами был брат, друг и отец. „Бывало, подойдет он к нам, вынимает из своего кармана серебрянный порт-сигар и подносит всем „закуривайте ребята“ и начинает спрашивать „кто какой станицы или хутора? и т. д. Ответишь ему только какой станицы, а он начинает по пальцам пересчитывать, то дядю Бэмбэ, Пурвэ и т. д., а также наших братьев-казаков; одним словом, что называется, у всех почти знал всю родню...“

„Но за это, за любовь к своим братьям-казакам и за общение с ними чуть было, бедный, не попал в беду однажды.“

Случилось это следующим образом. Об отношении его и любви к своим братьям-казакам узнал начальник Киевского Военного Округа ген. Медер, которому подчинялась и наша сотня. Будучи осведомленным о поведении с „нижними чинами“ (с рядовыми казаками) нашего командира, генерал Медер, приказывает:

„За панибратство с нижними чинами я должен буду Вас арестовать и предать суду!“ На свои слова ген. М. получил следующий ответ: „Ваше превосходительство! вы не учитываете того, что я казачий офицер, а казачьи войска крепки и сильны тем, что офицер с казаком спят и едят вместе из одной чашки. Я с ними родился и вырос. Я знаю не только их, но и всю ихнюю родню... Как же я с ними не буду разговаривать, здороваться и давать руку, когда они для меня дороже всего на свете. И поверьте, что я со своей сотней сделаю больше, нежели Вы с целым полком солдат. Знайте, что те только полки хороши, где офицеры и казаки представляют из себя одно целое. Я в строю Бог. И казаки повинуются и исполняют с быстротой молнии все, что я прикажу. Вне строя я им брат и отец!“... Этим все дело и кончилось.

Еще один случай. Покойный вызвал одного офицера, командира Н. отд. каз. сотни, на дуэль. Во время одного из строевых занятий, один из казаков был замечен, что он развязно вел себя на занятии. По окончании занятия командир Н. сотни вызывает к себе из строя этого казака, а тот, разумеется, летит к нему стрелой.

В мгновение командир вышеназванной сотни, в присутствии командира соседней сотни Балабина, вынимает свой револьвер и направляет на казака. В этот самый момент командир Б., не долго думая и ничего не спрашивая, протягивает плетью по руке офицера, целившего в казака. Рука офицера падает вниз, а револьвер повисает на шнурке у офицера. Так казак остался незастреленным.

Все расходятся по квартирам. Наш командир Балабин ждет у себя до 9-ти час. веч. вызова на дуэль от офицера, оставшегося оскорбленным и такого же командира, как и он. — Ничего нет.

Тогда командир 36-й отд. каз. сотни Балабин, не дождавись секунданта, посылает ему свою визитную карточку, вызывая его на дуэль. Командир Н. сотни отказывается от дуэли и подает рапорт в офицерский суд чести, но здесь ничего не выиграл, а лишь получил еще „дестный“ отзыв от Балабина в присутствии всех офицеров „суда чести“: — „Вы не офицер, а трус! Вы недостойны носить звание офицера! Вы отказались от вызова на дуэль офицера, в то время как Вы себя считаете оскорбленным“.

Это лишний раз свидетельствует нам о его любви к своему народу; Покойный зашищал везде и всюду казаков от чего бы то ни было.

Мы, калмыки, в лице полковника В. И. Балабина потеряли не только казака — патриота, но, вместе с ним, большого друга и знатока быта, нравов, религии и языка Калмыцкого народа! Мало этого, покойный больше всего гордился тем, что у него „течет Калмыцкая кровь!“

Вечная тебе память, дорогой наш соратник и отец!
25-го июня, Южин.

Аршинов.